

УДК 080 (571.54)

ЖАМСУЕВА Дарима Санжиевна – кандидат исторических наук, доцент; старший научный сотрудник отдела философии, религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; darisan@rambler.ru)

ИСТОРИКО-АРХИТЕКТУРНАЯ САМОБЫТНОСТЬ БУРЯТСКИХ ХРАМОВЫХ СООРУЖЕНИЙ

Аннотация. В статье дается характеристика своеобразия архитектурных стилей бурятских буддийских дацанов этнической Бурятии, определяются особенности конструктивных и декоративно-орнаментальных элементов наружного убранства, которые являются важной составляющей храмовых сооружений. Автор выявляет стилевые особенности культовой архитектуры бурятских монастырей в сравнении с образцами буддийского зодчества Монголии и Тибета и делает вывод об оригинальности архитектурных ансамблей храмов в Бурятии, сочетающих отдельные формы, элементы русского церковного культового зодчества и местные традиции, школы и творчество отдельных мастеров. В статье автор приходит к заключению, что буддийское храмовое строительство достигло вершины развития в начале XX в.

Ключевые слова: дацаны, традиция, культовое зодчество, архитектура

Первые буддийские храмы с учетом кочевого образа жизни мирян-бурят представляли собой небольшие, приспособленные для молелен кибитки, шатры, на верху которых устанавливался ганжир – символическое декоративно-скульптурное навершие в виде шпиля, ставшее со временем обязательным элементом буддийских храмов. Внутреннее убранство номадных храмов отличалось красочностью, причем в декоре преобладали, согласно буддийскому канону, красный и желтый цвета. В дальнейшем появилась необходимость иметь более вместительные и пространственные с архитектурной точки зрения помещения, что обусловило возникновение оригинальной сборно-разборной культовой конструкции, основой которой стало переносное жилище монгольских народов – юрта. Исходной фигурой в формировании плана такого типа сооружения является круг, производные которого 12-, 8-, 6-гранники превращаются в конечном итоге в квадрат. Специфические черты бурятского кочевого зодчества заключаются в таких особенностях, как легкость, транспортабельность, рациональное использование подручного строительного материала, скудость инвентаря, за исключением крайне необходимых атрибутов алтаря. Родовые общественные сумэ кочевали вместе со своими прихожанами.

Весьма характерен тот факт, что в Бурятии возведение юртообразных храмов, покрытых кошмой, было лишь кратким начальным периодом в усовершенствовании и трансформации бурятских дацанов. В Монголии же войлочные юрты-храмы использовались до недавнего времени. Следовательно, быстрый переход к капитальному возведению культовых зданий является примечательной особенностью становления бурятского зодчества.

Историческим фактом является то, что в Бурятии на протяжении сотни лет сооружали совершенно особые по плану и объемно-пространственной композиции храмы, ничем не похожие на возводившиеся в то время культовые сооружения Монголии, Тибета, Китая. В Монголии, например, храмы строились по типу тибетских и китайских. Вполне логичным было бы приглашение тибетских или монгольских мастеров для возведения культовых сооружений в необходимых, освященных религией архитектурных формах. Хотя вполне

вероятно, что буряты были уже знакомы с ранней формой культового строительства. В связи с этим представляет интерес памятник археологии и архитектуры Кондуйского городка, созданного в XVI в. монголами на территории расселения агинских бурят. В окружении небольших сооружений в северной части территории был выстроен на платформе дворец, по роскоши убранства превосходящий дворец великих монгольских ханов в Каракоруме. Материалы исследования руин дворца позволяют предположить, что крестовидное по принципу мандалы решение плана обусловило и сложную конфигурацию многоярусной крыши [Ткачев 1989: 29]. Археологические исследования в Кондуйском городке и его окрестностях позволяют считать, что буряты почитали это место как священное. Из развалин древнего Кондуйского городка использовали камни и кирпичи, столбы сохранившихся остатков стен здания при закладке фундаментов Цугольского и Агинского дацанов [Кузнецов 1925: 22]. В истории известны случаи использования остатков зданий из так называемых древ-монгольских городов при возведении культовых сооружений и, наоборот, возведение дворцовых комплексов на остатках буддийских сооружений. При раскопках, например, дворца Угэдэя в подстилающих слоях искусственного холма, на котором был воздвигнут дворец, найдены остатки буддийской кумирни с цветными фресками XII – начала XIII в. [Киселев и др. 1965: 133]. В книге В. Паршина «Поездка в Забайкальский край» также отмечается: «Развалины сии очертанием основания своего походят на кумирню. На месте развалин еще сохранились обломки каменных драконов» [Паршин 1844: 128].

Во второй половине XVIII – начале XIX в. кочевые войлочные дуганы заменяются стационарными деревянными зданиями, которые строились с помощью русских мастеров и плотников, первоначально «без плана», по усмотрению заказчиков и исполнителей. С проникновением буддизма в Бурятию появились не только новые архитектурные формы, но и новая техника строительства. В первых деревянных дацанах вся тяжесть сооружения ложилась на врытые в землю сваи, что, естественно, сильно ограничивало возможные размеры зданий, поэтому важнейшим техническим новшеством стало сооружение каменных зданий. Архитектурный стандарт в строительстве бурятских дацанов появился в первой трети XIX в., когда после реформы М.М. Сперанского 1822 г. царское правительство стало влиять на вероисповедание бурят, устанавливая контроль за деятельностью бурятских дацанов.

Во второй половине XIX в. насчитывалось 34 дацана, из которых наиболее крупными и богатыми были Гусиноозерский – резиденция хамбо-ламы; Цонгольский (Мурочинский), Анинский, Кудунский (Кижингинский), Эгитуйский, Агинский и Цугольский дацаны. Практически во всех монастырских комплексах шел ремонт, расширение, реконструкция старых и возведение новых зданий. Фактически в этот период большинство бурятских дацанов были заново перестроены, реконструированы, и именно в это время они приняли тот роскошный вид, который отмечали все исследователи Забайкалья. Строительный бум свидетельствовал об укреплении материальной базы дацанов, развитии культовой системы бурятского буддизма и в целом об усилении влияния буддийской церкви и духовенства на жизнь бурятского общества.

Для бурятского храмового строительства характерен особый тип планировки монастырского комплекса. В архиве департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД в делах по строительству дацанов имеются чертежи планов дацанов, составленные в 1854 г. губернским архитектором по приказу иркутского губернатора после введения Законоположения о ламаистском духовенстве Восточной Сибири (1853 г.). В них документально зафиксирован ранний тип храмовых зданий бурятских дацанов, выстроенных по образцу

пяти-, трех- и одноглавых русских церквей. Восточная форма придана объему за счет изменения конструкции крыши, башенок глав и их кровли. Этот архитектурный стиль сохранялся у селенгинских бурят вплоть до первой трети XX в. Хоринское духовенство, напротив, старалось избавиться от русских традиций и, начиная с последней четверти XIX в., целенаправленно проводило стилевую реконструкцию архитектуры старых зданий, перестраивало или возводило новые храмы в традициях монгольского, тибетского и китайского культового зодчества. Ламы, обучавшиеся в религиозных центрах Тибета и Монголии, возвращались на родину с эстетическими познаниями и техническими навыками. В дацанах появились свои скульпторы, архитекторы, чеканщики. Влияние Тибета выражалось, в частности, в присутствии в архитектуре храмов единообразных элементов декоративно-символического значения, применяемых в антаблементах ордера, обрамлениях проемов и для украшения стен (среди них немалую роль играют всякого рода буддийские символы). Заимствованные формы в руках бурятских резчиков по дереву и камню приобретали местное своеобразие, в котором воплотились традиции, фантазия и мастерство исполнителей.

В целом своеобразие бурятской культовой архитектуры заключалось в синтезе русских, тибетских, монгольских и китайских традиций. Основой бурятского храмового строения служила русская строительная техника и конструкция деревянного сруба здания. По-видимому, для преодоления затруднений технического порядка в строительстве первых культовых зданий буряты попросили помощи не у монголов и тибетцев, как это обычно происходило в аналогичных ситуациях в мировой истории, а у русских мастеровых¹.

Стилевые особенности церковного влияния отмечены также при строительстве первого каменного здания Гусиноозерского дацана, построенного под руководством мастера Воронина, мещанина г. Селенгинска, участвовавшего также в строительстве первых зданий Эгитуйского, Джидинского, Кудунского (Кижингинского) и ряда других дацанов. Чертежи 1854 г. первых каменных дацанов Анинского и Агинского дацанов свидетельствуют также о заимствовании стиливых особенностей каменных русских церквей. Первое каменное здание Анинского дацана было построено в 1811 г. с помощью русского мастера, «поскольку в то время буряты не умели делать кирпичи и не строили деревянных зданий» (пояснение Г.-Д. Нацова 1930 г. на обороте фотографии)². Кроме большого купольного свода, по углам здания возвышались четыре башенки. В 1892 и 1899 гг. был произведен капитальный ремонт, сделана пристройка, которая своими размерами превышала площадь всего здания. В итоге всех переделок дацан не утратил крестообразный архитектурный план. Хотя и этому есть объяснение: исследователь Л.К. Минерт считает, что «главный храм Анинского дацана является выдающимся произведением бурятской культовой архитектуры, не имеющим аналогий по своей планировочной и композиционно-пространственной структуре в буддийском зодчестве соседних стран. Его остатки имеют несомненную архитектурную и культурно-историческую ценность и должны быть сохранены для потомков. В его архитектуре зодчие воплощали космологическую символику буддийской идеи Мандала» [Минерт 1983: 137]. Истоки этой архитектурной композиции можно обнаружить в самых ранних памятниках буддийской архитектуры – индийских ступах, символика которых

¹ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 133. Д. 398. Л. 5-42.

² Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 308. Оп. 1. Д. 152. Л. 136-140(об).

выражает сложную космологическую сущность буддийского храма. В архитектуре Анинского дацана особенно ярко доминируют правила организации пространства, где понятие центра и четырех сторон света положило начало ориентации главного здания по оси север – юг и появлению четырех выступающих объемов в стенах, окружавших центральный объем здания. В дневнике Базара Барадина мы находим тому подтверждение: «...дацан построен по образцу божественного дворца Мандалы» [Дневник... 2013: 32]. Этот уникальный памятник архитектуры, созданный местными бурятскими зодчими, последовательно и закономерно отражает многообразие поисков, взаимодействия и взаимовлияния строительных и художественных культур различных стран и народов.

Влияние русского церковного зодчества и участие русских мастеровых видно на примере и первого Агинского каменного цокчена: в обработке форм и обрамлении окон; наличии высокого крыльца, боковых лестниц-переходов с фасадной части здания (такие лестницы устраивались во многих деревянных и каменных церквях Забайкалья до начала XX в.). Бурятские мастера вряд ли собирались повторять архитектурные приемы православных церквей, но, несомненно, стремились переосмыслить их и создать более величественные сооружения. Наглядным примером явилась, казалось бы, маленькая деталь – лестница-переход Цугольского дацана. В 1880 г. она была с размахом перестроена: на фасаде с двух сторон портика на второй этаж вели симметричные чугунные лестницы, красиво скомпонованные с введением буддийских элементов. Такое необычное решение лестниц потребовалось для того, чтобы открыть широкий доступ посетителям на второй этаж, где размещалось «наглядное представление» о рае Гандан и Сукховати.

Техническую сторону строительного мастерства буряты освоили очень скоро. Строителями теперь уже выступают местные буряты, которые путем проб и ошибок к середине прошлого века пришли к своей самобытной архитектуре. Примечательно, что уже через 30 лет после сооружения первых дацанов бурятские артели самостоятельно брались за выполнение крупных строительных подрядов в городах.

«Восточные» элементы бурятских храмов были декоративной имитацией особенностей конструкции тибетских и китайских зданий. Бурятские строители изготавливали эти декоративные элементы «на земле», отдельно от сруба, перекрытий потолка и крыши. Затем, когда здание было построено, они поднимались наверх и крепились на фризе и карнизе крыши как внешний декор строения. Эти детали были традиционно серийными. В бурятских дацанах свешивающийся край крыши обшивался снизу *унья* – брусочками, которые набивались в два ряда. Верхний ряд состоял из круглых брусочков, нижний – из квадратных. Торцы брусков раскрашивались масляной краской. *Унья* имитируют стропила для каркаса черепичной кровли китайской крыши. Два ряда стропил каркаса черепичной крыши, система выносных дополнительных потолочных балок образуют поддерживающую и свешивающуюся часть карниза китайского строения. Крылья капители колонны (*номо*) прежде имели практическое значение – балка антаблемента ложилась не только на ствол колонны, но и на поперечину капители. В бурятских дуганах *номо* стали декоративными дощечками, не имеющими конструктивного назначения. К декоративным (не конструктивным и техническим) символическим элементам относятся и такие детали, как *бантаб* – резной рельефный раскрашенный брус стилизованных лепестков лотоса, *гурби* – фасонный брус для обшивки карниза, *бадма сэсэг* – цветок лотоса, вырезанный из тонкой дощечки для установки на филенках или косяках дверей, капителях колоны и т.п. Орнаменты *улзы уялга*, *хас уялга*,

тумэн жаргаланг вырезаются из тонкого деревянного бруска, раскрашиваются полихромно, используются в декоративном оформлении наличников окон, дверей, в декоре интерьера.

Существенной особенностью архитектуры бурятских монастырских комплексов, отличающей их от своих предшественников и цокченгов монастырей Монголии и Тибета, является обязательная трехэтажность и соответственная ярусность пирамидального убывания массы сооружения. Хотя двух-трехэтажным стали делать средний объем здания уже в начале XIX в., в новых храмах возникший второй этаж был довольно большим, а в ряде случаев имел те же габариты, что и основной. С функциональной точки зрения необходимости в нем не было. В Монголии и Тибете вполне обходились залами молебствий только в наземном этаже. В тибетских храмах на плоской крыше зала устраивали лишь кельи монахов и часовни, что придавало зданию вид трехэтажного. Второй этаж в бурятских храмах, видимо, появился не как функциональная необходимость, а как стремление к высотности, архитектурной представительности. Этот тип храма стал господствующим в бурятском культовом зодчестве, повторяясь в различных вариантах в зависимости от размера зданий и степени богатства их архитектуры. Третий этаж всегда отводился под часовню гения-хранителя. Эта наиболее мистически сокровенная и недоступная для прихожан часть была вознесена на предельную высоту. Богослужение там осуществлялось ограниченным числом монахов, прихожане не допускались.

Буддийская архитектура достигла вершины развития в начале XX в. Годы советской власти были крайне неблагоприятными для ее развития. С 1990-х гг. храмовое искусство возрождается, восстанавливаются старые монастыри и строятся новые. Но, к сожалению, многие восстановленные монастыри Сангхи на своих «исторических» местах, как правило, уже не имеют своей паствы, т.к. находятся вдали от населенных пунктов.

Примером своеобразной «старой» архитектуры бурятских дацанов является главная буддийская обитель, она же резиденция главы российского буддизма – Иволгинский дацан (1945 г.). В монастырском комплексе с десятком храмов в конце нулевых годов реконструирован дуган хамбо-ламы Итигэлова, построен храм Зеленой Тары. Смесь архитектурных стилей храма Зеленой Тары формирует уникальность и оригинальность архитектуры, которая поражает своей неповторимой архаикой и почти сказочной символичностью. Он отличается от других архитектурных сооружений, находящихся на территории современного Иволгинского дацана, хотя очевидны заимствования и традиционные черты архитектуры буддийских храмовых комплексов.

Список литературы

Дневник вольнослушателя Санкт-Петербургского университета Базара Барадина по бурятским дацанам (1903–1904). 2013 (подг. к публ., предисл., комм., указ. Д.С. Жамсуевой). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 237 с.

Киселев С.В. и др. 1965. *Древнемонгольские города*. М.: Наука. 367 с.

Кузнецов А. 1925. *Развалины Кондуйского городка и его окрестности*. Владивосток: Дальне-Восточно-Сибирское акционерное общество «Книжное дело». 64 с.

Минерт Л. К. 1983. *Памятники архитектуры Бурятии*. Новосибирск. 191 с.

Паршин В.П. 1844. *Поездка в Забайкальский край*. М.: Тип. Николая Степанова. Ч. 1. 143 с.

Ткачев В.Н. 1989. *История монгольской архитектуры*: учебное пособие. М.: Изд-во МИСИ. 94 с.

ZHAMSUEVA Darima Sanzhievna, *Cand.Sci. (Hist.), Associate Professor; Senior Researcher of the Department of Philosophy, Culture Studies and Religion Studies, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (6 Sakhyanovoj St, Ulan-Ude, Republic of Buryatia, Russia, 670047; darisan@rambler.ru)*

HISTORICAL AND ARCHITECTURAL IDENTITY OF BURYAT TEMPLE STRUCTURES

Abstract. *The article deals with the peculiarities of the architecture of the Buryat Buddhist datsans of ethnic Buryatia. The author identifies the features of the constructive, decorative and ornamental elements of the external decoration, which are an important component of temple structures. The stylistic features of the cult architecture of Buryat monasteries are revealed in comparison with the samples of Buddhist architecture in Mongolia and Tibet. The author concludes that architectural ensembles of temples in Buryatia combine individual forms, elements of Russian church cult architecture and local traditions, schools and works of individual masters and concludes that Buddhist temple construction reached its peak at the beginning of the 20th century.*

Keywords: *datsans, tradition, cult architecture, architecture*

УДК 24-64

АБАЕВА Любовь Лубсановна — доктор исторических наук, профессор; главный научный сотрудник отдела философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Россия, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6; luba-abaeva@mail.ru)

МАНИХЕЙСТВО В РЕЛИГИОЗНЫХ РЕВЕРСИЯХ МОНГОЛЬСКОГО МИРА

Аннотация. *В статье рассматриваются манихейские мотивы в регионе Центральной Азии, имевшие место в монгольском мире. Автор анализирует комплексные, достаточно сложные, хотя и слабо уловимые религиозные реверсируемые символы раннехристианских, зороастрийских и манихейских проникновений в монголосферу. Религиозное содержание канонов зороастризма и буддизма, идеи и практики которых прослеживаются в структуре манихейства, также существует среди различных тюркских и монгольских этнических групп и их конгломераций, начиная с VIII–X вв., включая также и XIII в.*

Ключевые слова: *монгольский мир, манихейство, зороастризм, буддизм, раннехристианские религиозные вариации, монгольские и тюркские племена, Центральная Азия, религиозная конверсия и реверсия*

Манихейство — религиозное учение, зародившееся на рубеже III в. как синтез персидских, вавилонских и раннехристианских культов. Учение носит название по имени своего основоположника Мани (ок. 216 — ок. 277). В базовых представлениях манихейства лежит принцип дуализма, утверждающий извечный постулат борьбы двух верховных божеств, ассоциированных с добром и злом, светом и тьмой. При этом зло соотносится с миром материальным, а добро — со светом как изначальной духовной субстанцией. Манихейство имело достаточно широкую популярность и влияние на многочисленные религиозно-философские концепции и религиозные движения средневековой Европы и Азии.

Сложившаяся в Центральной Азии на рубеже средних веков этнокультурная ситуация синхронного существования этносов в моно- и полиэтнических про-